

Сказка Туве Янссон " Шляпа волшебника " Глава пятая

Глава пятая, в которой рассказывается о Королевском рубине, о том, как Снорк ставил перемет, о смерти Панталочки и еще о том, как Муми-дом превратился в джунгли

Был конец июля, в Муми-доле стояла страшная жара. Даже мухи и те не находили силы жужжать. Изнемогали запыленные деревья, обмелела речка. Она теперь еле струилась узеньким серым ручейком по жаждающим лугам, и из ее воды уже не получалось вкусного фруктового сока в шляпе Волшебника (которая была помилована и стояла под зеркалом на комодѐ).

День за днем солнце поливало зноем долину. Вся ползучая мелюзга попряталась в свои прохладные подземные норы, птицы смолкли. Друзья Муми-тролля стали раздражительными, не находили себе места и ссорились между собой.

– Мама, – сказал Муми-тролль, – придумай для нас что-нибудь. А то мы только ссоримся да изнываем от жары!

– Да, мое золотко, – отвечала Муми-мама. – Я это уже заметила. Я и сама рада немного отдохнуть от вас. Не пожить ли вам несколько деньков в гроте? Там прохладно, вы сможете целый день не вылезать из моря и ничего не делать.

– И ночевать тоже в гроте? – восхищенно спросил Муми-тролль.

– Ну конечно! И не показывайтесь мне на глаза, пока опять не станете милыми и хорошими!

Было страшно интересно по-настоящему устроиться в гроте. Посреди песчаного пола поставили керосиновую лампу. Каждый выкопал себе ямку по форме своего тела, чтобы уютней было спать. Провизию: пудинг с изюмом, тыквенное пюре, бананы, красные и белые мятные лепешки, кукурузные початки и оладьи – разделили на шесть равных кучек.

Под вечер потянул ветерок с побережья. Закат был красный, солнце заливало грот теплым светом. Снусмумрик играл сумеречные песни, фрекен Снорк лежала, склонив кудрявую голову на колени Муми-тролля.

Пудинг с изюмом настроил всех на благодушный лад, но над морем сгущались сумерки, и всем было как-то жутковато.

– А ведь это я нашел грот, – сказал Снифф, и никому неохота было возражать, что все слышали это тысячу раз.

– Хотите, я расскажу вам страшную историю? – спросил Снусмумрик, зажигая лампу.

– А насколько страшную? – спросил Хемуль.

– Примерно отсюда до входа, а то и чуть дальше, – ответил Снусмумрик. – Если только это что-нибудь тебе говорит.

– Ровно ничего, – сказал Хемуль. – Давай рассказывай, я скажу, когда мне станет страшно.

– Ладно, – сказал Снусмумрик. – Это правдивая история, я слышал ее от черного дрозда. Ну, значит, так. На краю света стоит высокая-превысокая гора, поглядишь, так дух захватывает. Черная как сажа и гладкая как шелк. Ее склоны отвесно падают в бездну, а вокруг вершины парят облака. А на самом верху стоит дом Волшебника, и выглядит он вот так. – Снусмумрик начертил на песке дом.

– Без окон? – полюбопытствовал Снифф.

– Без окон и без дверей, потому что Волшебник всегда возвращается домой по воздуху на черной пантере. Он выходит только по ночам, разъезжает по свету и собирает в свой плащ рубины.

– Да что ты! – воскликнул Снифф, сделав большие глаза. – Рубины! Как же он их находит?

– Волшебник может обернуться кем угодно. Может забраться под землю и даже спуститься к сокровищам на дне морском.

– На что ему столько драгоценных камней? – с завистью спросил Снифф.

– Да ни на что. Просто собирает, да и только. Совсем как Хемуль собирает растения.

– Ты что-то сказал? – встrepенулcя Хемуль, задремавший в своей песчаной ямке.

– Я сказал, что дом Волшебника полон рубинов. Они грудami навалены на полу, они вделаны в стены и горят, как глаза зверей. Дом без крыши, и проплывающие над ним облака отсвечивают красным от их блеска. Глаза Волшебника тоже красные и светятся в темноте.

– Я уже готов испугаться, – сказал Хемуль. – Сделай милость, рассказывай потихонечку.

– Ну и счастливый же он, наверно, этот Волшебник, – вздохнул Снифф.

– Вовсе нет, – отвечал Снусмумрик. – Он будет счастливым, только когда найдет Короля рубинов. Это очень большой рубин, не меньше головы его черной пантеры, а посмотришь на него, так кажется, будто в нем переливается жидкий огонь. Волшебник искал его на всех планетах, добрался даже до Нептуна, но до сих пор не нашел. Сейчас он отправился на Луну, ищет рубин в лунных кратерах, впрочем, без особой надежды на успех. В глубине души Волшебник уверен, что рубин находится на Солнце, но попасть туда он не может. Он уже делал несколько попыток, но там слишком горячо.

– Неужели все это правда? – недоверчиво спросил Снорк.

– Хотите – верьте, хотите – нет, – безразлично отвечал Снусмумрик и продолжал: – Только знаете, что сказал мне дрозд? Он сказал, что у Волшебника есть черный цилиндр и он потерял его несколько месяцев назад, когда отправился на Луну!

– Не может быть! – вырвалось у Муми-тролля.

– Так, значит, это он и есть! – воскликнула фрекен Снорк.

– Факт, – сказал Снорк.

– Что случилось? – спросил Хемуль. – Вы о чем?

– О шляпе, о чем же еще, – ответил Снифф. – О черном цилиндре, который я нашел этой весной. О волшебной шляпе!

Снусмумрик многозначительно кивнул.

– Ну а вдруг Волшебник вернется за шляпой? – тревожно спросила фрекен Снорк. – Я бы ни за что не осмелилась взглянуть в его красные глаза!

– Надо посоветоваться с мамой, – сказал Муми-тролль. – До Луны далеко?

– Изрядно, – отвечал Снусмумрик. – К тому же Волшебнику потребуется время, чтобы обшарить все кратеры.

Наступило гнетущее молчание. Каждый думал о черной шляпе, стоявшей дома на комодѐ под зеркалом.

– Сделайте свет поярче, – попросил Снифф.

– Вы ничего не слышите? – сказал Хемуль. – Прислушайтесь! Там, снаружи...

Все устремили взгляды на вход и прислушались. Из ночной тишины доносились какие-то тихие-тихие звуки-уж не пантера ли крадется к ним?

– Это дождь, – сказал Муми-тролль. – Идет дождь. Теперь в самый раз немножко поспать.

Все разошлись по своим ямкам и закутались в одеяла. Муми-тролль погасил лампу и под легкий шорох дождя погрузился в сон.

Хемуль проснулся оттого, что его спальное место залило водой. Снаружи шелестел теплый летний дождь, вода ручейками и водопадами сбегала по стенам грота и, как нарочно, устремлялась в его ямку.

– Эх, страсти-напасти! – пробормотал Хемуль, отжал платье и вышел посмотреть погоду. Повсюду было одно и то же – серо, сыро и неприятно. Хемуль спросил себя, не охота ли ему искупаться, и рассудил, что неохота.

"Ну никакого порядка на свете, – недовольно подумал он. – Вчера жарища, сегодня мокротища. Пойду-ка завалюсь снова спать".

Ямка Снорка показалась ему посуше остальных.

– А ну подвинься, – сказал Хемуль. – Мою постель залило водой.

– Тем хуже для тебя, – сказал Снорк и повернулся на другой бок.

– Вот я и хочу устроиться вместе с тобой, – заявил Хемуль. – Не будь свиньей.

Но Снорк лишь пробормотал что-то невнятное и не шелохнулся. А Хемуль, преисполнясь жаждой мщения, взял и прорыл канал от своей ямки к Снорку.

– Это, Хемуль, знаешь что! – сказал Снорк, вскакивая в намокшем одеяле. – Вот уж не думал, что ты горазд на такие фигли-мигли!

– Это было наитие! – радостно сообщил Хемуль. – Ну, что мы теперь будем делать?

Снорк высунул нос из грота и взглянул на небо, на море. Затем уверенно сказал:

– Ловить рыбу. Буди всех, а я пойду подготовлю лодку.

Снорк спустился на мокрый песок, вышел на мостки, сооруженные Муми-папой, и постоял с минуту, выставив нос в сторону моря. Был полный штиль, лишь дождь накрапывал тихо, и каждая капля оставляла кружочек на мерцающей глади воды. Снорк кивнул каким-то своим мыслям и вытащил из-под навеса ящик с самым большим переметом. Потом достал из-под мостков рыбный садок и принялся наживлять

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

крючки, напевая про себя охотничью песню Снусмумрика.

Когда все вышли из грота, перемет был уже налажен.

– А, вот и вы наконец, – сказал Снорк. – Снимай мачту, Хемуль, и вставляй уключины.

– А мы непременно должны ловить рыбу? – спросила фрекен Снорк. – Ведь, когдаловишь рыбу, ничего не происходит, и потом, мне так жалко этих маленьких щучек!

– Ничего, сегодня произойдет, – сказал Снорк. – Садись на нос, там ты меньше будешь мешать.

– Дайте я помогу! – завопил Снифф и, уцепившись за ящик с переметом, вскочил на борт.

Лодка накренилась, ящик с переметом перевернулся, а половина его содержимого запуталась в уключинах и якорных лапах.

– Оч–чень хорошо! – сказал Снорк. – Замечательно! Опытность морского волка, полный порядок на борту и все такое прочее. А прежде всего – уважение к труду других. Ха!

– Как? Ты его не попроберешь? – удивился Хемуль.

– Еще чего... – мрачно усмехнулся Снорк. – Где это видано, чтобы слово капитана что–нибудь значило на корабле? Нигде. Валите ящик в море как есть, авось что–нибудь да зацепится.

С этими словами Снорк залез под кормовое сиденье и с головой укрылся брезентом.

– Это надо же, – сказал Муми–тролль. – Садись на весла, Мумрик, а мы будем расхлебывать эту кашу. Снифф, ты осел.

– Так точно, – с признательностью отвечал Снифф. – С какого конца начинать?

– С середины, – сказал Муми–тролль. – Только смотри не припутай свой хвост.

Снусмумрик стал медленно выгребать в море.

А тем временем Муми–мама ходила по дому ужасно довольная. Дождь мягко шелестел над садом. Кругом царили мир, тишина и порядок.

– Теперь все пойдет в рост! – говорила сама себе Муми–мама. – Ах, как хорошо, что я спровадила их в грот!

"Не мешало бы прибраться в комнате", – подумала она и начала сгребать в кучу чулки, апельсиновые корки, какие–то диковинные камни, куски коры. Туда же попала газонокосилка и много чего другого. В радиоприемнике она нашла несколько губоцветных, которых Хемуль забыл положить под пресс. Муми–мама машинально смотала их в клубок, радостно прислушиваясь к мягкому шелесту дождя.

– Теперь все пойдет в рост! – повторила она и выронила из лап клубок.

Он упал прямо в шляпу Волшебника, но Муми–мама этого не заметила и пошла спать в свою комнату, потому что больше всего на свете она любила спать, когда дождь барабанит по крыше.

А в глуби морской стоял и подстерегал добычу перемет Снорка. Он стоял уже несколько часов, и фрекен Снорк буквально помирала от скуки.

– Все зависит от того, сколько ждать, – толковывал ей Муми–тролль. – Может статься, на каждом крючке что–нибудь да будет, понимаешь?

Фрекен Снорк тихонько вздохнула.

– Да ведь и так, когда опускаешь крючок, на нем есть полуклейки, а когда вытаскиваешь – целый окунь. Ведь и так знаешь, что на крючке целый окунь.

– Или вовсе ничего! – сказал Снусмумрик.

– Или бычок, – сказал Хемуль.

– Словом, девчонке этого не понять, – заключил Снорк. – Ну теперь можно тащить. Только без крика! Потихоньку! Потихоньку!

Вот показался первый крючок.

Ничего.

Показался второй.

Опять ничего.

– Это говорит лишь о том, что они ходят на глубине, – сказал Снорк. – И что они ужасно большие. А теперь давайте потише. – Он вытащил еще четыре пустых крючка и сказал: – Вот хитрющий попался! Обьедает у нас всю наживку. Ну и здоров же, наверно!

Все перегнулись через борт и напряженно глядели в черную глубину, куда уходила леса.

– Как по–твоему, что это за рыба? – спросил Снифф.

– Не иначе как Панталошка, – ответил Снорк. – Смотрите, еще десять пустых крючков!

– Э–хе–хе!.. – сказала фрекен Снорк.

– Ну ты не больно–то эхехекай! – сердито оборвал ее брат, продолжая выбирать лесу. – Давайте потише, не то спугнете!

Крючок за крючком укладывался в ящик. Попадались пучки морской травы и водорослей. А рыбы не было. Прямо–таки ничего–ничегошеньки.

И вдруг Снорк крикнул:

– Смотрите! Тянет! Я абсолютно уверен, что тянет!

– Панталошка! – завопил Снифф.

– Теперь самый момент проявить выдержку, – с деланным спокойствием произнес Снорк. – Мертвая тишина! Вот он!

Туго натянутая леса провисла, и глубоко внизу, в темно–зеленой толще воды, что–то забелело. Неужели брюхо Панталошки? Что–то вздымалось к поверхности, словно горный хребет с таинственного ландшафта морского дна... Что–то громадное, грозное, неподвижное. Зеленовато–замшелым стволом гигантского дерева скользнуло оно вверх под киль лодки.

– Сачок! – крикнул Снорк. – Где сачок?

И в то же мгновение воздух наполнился ревом и пеной. Громадная водяная гора подняла "Приключение" на своем горбу, ящик для перемета так и заплясал по настилу. Затем так же внезапно все стихло.

Лишь оборванная леса сиротливо свешивалась с борта, да огромные водовороты указывали путь чудо–рыбы.

– Ну теперь–то ты видишь, что это за окунь? Такой рыбы мне больше не попадется. И настоящей радости мне уже тоже не испытать.

– Он сорвался вот тут, – пояснил Хемуль, поднимая конец лесы. – У меня такое ощущение, что нитка была слишком тонка.

– Иди купайся, – сказал Снорк, закрыв лапами лицо.

Хемуль хотел что–то ответить, но Снусмумрик вовремя толкнул его ногой. Воцарилось молчание. Затем фрекен Снорк осторожно сказала:

– Может, попробуем еще разок? Фалинь–то наверняка выдержит.

Снорк лишь презрительно фыркнул.

– А крючок? – немного погодя спросил он.

– Твой складной нож, – ответила фрекен Снорк. – Если выпустить разом лезвие и штопор, отвертку и шило, уж на что–нибудь он непременно подденется!

Снорк отнял лапы от лица и спросил:

– Ну допустим. А наживка?

– Оладья, – ответила сестра.

Снорк задумался. Все ждали затаив дыхание. Наконец он сказал:

– Да будет известно каждому: если только Панталошка ест оладьи, охота продолжается!

Складной нож крепко–накрепко привязали к фалиню куском стальной проволоки, оказавшейся у Хемуля в кармане, на лезвие насадили оладью и нож бросили в море.

Охотничий азарт разбирал фрекен Снорк не меньше других, и она даже попискивала от волнения.

– Ты вылитая Диана, – сказал Муми–тролль, любуясь ею.

– Кто это? – польщенная, спросила фрекен Снорк.

– Богиня охоты! – сказал Муми–тролль. – Красивая, как деревянная королева, и умная, как ты.

– Гм!.. – отозвалась фрекен Снорк.

В это мгновение "Приключение" сильно качнуло.

– Тсс! – произнес Снорк. – Он клюет!

Последовал еще более резкий толчок, а за ним сильнейший рывок, от которого все попадали на стлани.

– Караул! – завопил Снифф. – Он нас всех слопает!

"Приключение" зарылось носом в волну, выровнялось и с бешеной скоростью понеслось в открытое море. Перед его носом, натянутый как струна, уходил в воду фалинь, распуская по сторонам усы белой пены. Оладья явно пришлась Панталошке по вкусу.

– Тишина! – крикнул Снорк. – Тишина на борту! Каждый на своем посту!

– Только бы он не нырял! – крикнул Снусмумрик, забравшись на нос.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Но Панталашка плыл прямо вперед и уносил их все дальше в море. Вскоре берег превратился в узенькую полоску на горизонте.

– Как по–вашему, надолго его хватит? – спросил Хемуль.

– В случае чего обрежем веревку, – сказал Снифф. – А не то за все ответите вы!

– Ни за что не обрежем! – тряхнув челкой, воскликнула фрекен Снорк.

Тут Панталашка взмахнул в воздухе своим огромным хвостом, развернулся и направился к берегу.

– Теперь идем чуть помедленней! – объявил Муми–тролль, который стоял на корме на коленях, наблюдая кильватерную струю. – Он выдыхается!

Панталашка и вправду приустал, зато не на шутку разозлился. Он дергал трос и рыскал из стороны в сторону так, что "Приключение" валило на борт с риском для жизни его пассажиров.

Время от времени Панталашка приостанавливался, подманивая их к себе, а потом припускал с такой силой, что волны перехлестывали через борт. Тут Снусмумрик достал свою губную гармошку и заиграл охотничью песню, а остальные принялись отбивать такт ногами, да так, что стлани заходили ходуном. И вот на поди же! Панталашка вдруг перевернулся и выставил из воды свое огромное брюхо.

Другого такого не было в целом свете.

С минуту все молча разглядывали рыбину, затем Снорк сказал:

– Поймал–таки я его!

– Да! – гордо сказала его сестра.

Панталашку взяли на буксир и пошли к берегу. Тем временем дождь усилился. Хемуль вымок до нитки, шляпа Снусмумрика потеряла всякий вид.

– В гроте–то сейчас, должно быть, мокренько, – сказал Муми–тролль, сидевший на веслах. Он озяб. – Да и мама, наверно, волнуется, – добавил он немного погодя.

– Ты хочешь сказать, мы вроде как можем прямо сейчас отправиться домой? – спросил Снифф.

– Ну да, и показать нашу рыбу, – сказал Снорк.

– Возвращаемся! – сказал Хемуль. – Всекие необыкновенности хороши, но только на время. Страшные истории, промокания, одиночество и все такое прочее. Но в конечном счете они не дают ощущения уюта.

Под Панталашку подвели доски и сообща поволокля его по лесу. Разверстая пасть рыбины была до того велика, что ее зубы цепляли за ветки деревьев, а весу в ней было столько сот килограммов, что приходилось давать себе передышку на каждом повороте дороги. А дождь поливал все пуще и пуще. Но добравшись до Муми–дола, они не увидели своего дома за сплошной завесой дождя.

– Оставим его здесь на немножко, – предложил Снифф.

– Ни за что на свете! – горячо возразил Муми–тролль.

И они садом двинулись к дому. Внезапно Снорк остановился и сказал:

– Мы заблудились.

– Ерунда какая! – отозвался Муми–тролль. – Вот дровяной сарай, а вон там мост.

– Да, но где же сам дом? – спросил Снорк.

Странное, очень странное дело: Муми–дом исчез. Пропал начисто, целиком. Они положили Панталашку на золотой песок перед крыльцом. То есть, собственно говоря, крыльца–то тоже не было. Вместо него... Но сперва надо объяснить, что произошло в Муми–доме за время охоты на Панталашку.

Когда мы в последний раз упоминали про Муми–маму, она ушла спать в свою комнату. А перед этим она машинально скомкала губоцветные Хемуля и уронила комок в шляпу Волшебника. Ах, не следовало ей в этот раз прибираться!

Ибо, пока дом был погружен в послеобеденный сон, губоцветные принялись расти на волшебный лад. Мягко извиваясь, поднялись они из шляпы Волшебника и расползлись по полу. Их побеги и усики стали ощупью взбираться по стенам, карабкаться по портьерам и шнурам от вьюшек, пролезать во все щели, форточки и замочные скважины. С фантастической быстротой распускались во влажном воздухе цветы, созревали плоды. Огромные пучки листьев заполнили крыльцо, вьющиеся стебли оплели ножки стола, наподобие змеиных гнезд свешивались с потолка. Растения с мягким шелестом заполняли дом; изредка слышался приглушенный хлопок – это распускался какой–нибудь гигантский цветок или падал на ковер плод. Но Муми–мама решила, что все это дождь, и, повернувшись на другой бок, спала себе и спала.

А в соседней комнате сидел Муми–папа и строчил мемуары. С той поры как он построил причал для "Приключения", не произошло ничего интересного, что стоило бы поведать потомству, и он стал описывать свое детство. При этом он до того расчувствовался, что чуть не пустил слезу. Он с рождения был необыкновенным, одаренным ребенком, которого никто не понимал. Но и подросши, он оставался непонятым, и ему во всех отношениях было так тяжело, так тяжело. Муми–папа строчил и строчил, представляя себе при этом, как все будут раскаиваться, когда он прочтет мемуары вслух. Это вновь привело его в веселое расположение духа, так что он даже воскликнул:

– Так им и надо!

И в то же мгновение на его рукопись шмякнулась слива и сделала большее синее пятно.

– Клянусь своим хвостом! – вскричал он. – Муми–тролль и Снифф снова дома!

И он обернулся с решимостью как следует намять им холку. Но не тут–то было: его взгляд уперся в буйные заросли каких–то кустарников, обсыпанных желтыми ягодами. Муми–папа так и подскочил на месте, и тут уж на его письменный стол обрушился целый дождь синих слив. Весь потолок был наглухо заткан сплетением веток, они росли прямо на глазах и тянули свои зеленые руки к окну.

– Эй! – крикнул Муми–папа супруге. – Проснись! Поди сюда!

Муми–мама села в кровати и в глубоком изумлении обвела взглядом комнату, которая была полна мелких белых цветов. Они на тоненьких нитях свисали с потолка в виде изящных розеток.

– Ах, какая прелесть! – сказала Муми–мама. – Уж не Муми–тролль ли это устроил, чтобы порадовать меня?

И, осторожно раздвинув тонкую занавесь из цветов, она встала с кровати.

– Эй! – кричал за стеной Муми–папа. – Открой! Я не могу выйти!

Муми–мама попробовала отворить дверь, но тщетно. Дверь была безнадежно забаррикадирована мощными стеблями вьющихся растений. Тогда Муми–мама выбила стекло в двери на крыльцо и с величайшим трудом протиснулась в проем. Крыльцо сплошь заросло фиговыми деревьями, гостиная превратилась в дремучие джунгли.

– Охохонюшки! – сказала Муми–мама. – Разумеется, опять эта шляпа.

И она присела, обмахиваясь пальмовым листом.

Тут из зарослей папоротников, проросших в ванной, вынырнул Ондатр и жалобным голосом сказал:

– Вот! Теперь всем ясно, к чему приводит составление гербариев! Этот Хемуль никогда не внушал мне доверия!

Лианы проросли сквозь печную трубу, оплели крышу и окутали весь Муми–дом пышным зеленым ковром.

А на дворе под дождем стоял Муми–тролль и удивленно озирался высокий зеленый холм, на котором прямо на глазах распускались цветы и созревали плоды, меняя цвет из зеленого в желтый, из желтого в красный. – Дом был тут, это точно, – сказал Снифф.

– Он там, внутри, – мрачно произнес Муми–тролль. – Теперь туда никому не войти, и никто оттуда не выйдет. Никогда–никогда.

Снусмумрик выступил вперед и с интересом стал осматривать холм. Ни окон, ни дверей. Сплошной ковер дикой растительности. Снусмумрик ухватился за какой–то стебель и потянул. Стебель был упругий, словно резиновый, и не выдергивался из земли! Как бы невзначай обвился он вокруг шляпы Снусмумрика и снял ее.

– Опять колдовство, – сказал Снусмумрик. – В конце концов это начинает надоедать.

Тем временем Снифф обежал вокруг наглухо заросшей веранды.

– Подвальное окошко! – крикнул он. – Оно открыто!

Муми–тролль стремглав подлетел к отдушине и заглянул в нее.

– А ну давай туда, живо! – решительно сказал он. – Еще немного – и оно тоже зарастет!

Один за другим все спустились вниз, в черноту подвала.

– Ау! – крикнул Хемуль, лезший последним. – Я никак не пролезу! – Ну так оставайся снаружи, карауль Панталашку, – отозвался Снорк.

– Можешь включить в свой гербарий дом!

И, оставив бедного Хемуля мокнуть под дождем, они ощупью пробрались к лестнице в погреб.

– Нам повезло, – сказал Муми–тролль. – Крышка открыта. Вот видите, как хорошо иной раз быть распустехой!

– Это я забыл закрыть, – поспешил вставить Снифф. – Так что вся честь принадлежит мне!

Они сразу же увидели замечательную картину: на суку сидел Ондатр и ел груши.

– А где мама? – спросил Муми–тролль.

– Мама вырубает папу из кабинета, – горестно отвечал Ондатр. – Единое упование мне осталось: что рай ондатров – спокойное местечко, ибо я уже не жилец.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Все прислушались. Мощные удары топора сотрясали листву. Раздался треск, за ним ликующий возглас. Муми-папа вышел на свободу!

– Мама! Папа! – закричал Муми-тролль, продираясь сквозь джунгли к входной двери. – Что вы тут без меня натворили?!

– Ах, золотко мое, – сказала Муми-мама. – Мы, наверно, опять оплошали со шляпой. Ну да идите же сюда! Я нашла в шкафу куст ежевики!

Это был исключительный день. Затеялась игра в девственный лес. Муми-тролль был Тарзаном, фрекен Снорк была Джейн. Сниффу разрешили быть сыном Тарзана, а Снусмумрик взял на себя роль шимпанзе Читы. Снорк ползал в подлеске с вставными челюстями из апельсиновых корок [Спроси у мамы: она знает, как они делаются!] и изображал врага вообще.

– Охохонюшки! – сказала Муми-мама. – Надо полагать, все наши гости чувствуют себя отлично.

– Надеюсь, что так, – отозвался Муми-папа. – Сделай милость, подбрось мне бананчик.

Веселье продолжалось до самого вечера. Никого не тревожило, что вход в погреб может зарости, и все думать забыли о бедняге Хемуле.

А он торчал на дворе в мокром платье, прилипавшем к ногам, и караулил Панталошку. Время от времени он съедал яблочко или считал тычинки в каком-нибудь цветке джунглей, но больше вздыхал.

Дождь перестал, близились сумерки. И едва только зашло солнце, что-то случилось с зеленым холмом, заключившим в себя Муми-дом. Он стал увядать так же быстро, как вырос. Плоды сморщились и попадали на землю. Цветы поникли, а их листья свернулись трубочками.

Дом наполнился шорохом и потрескиванием. Хемуль глядел, глядел, потом подошел и легонько потянул к себе ветку. Она была сухая, как трут, и сразу же отломилась: Тут Хемуля осенило. Он собрал огромную кучу хвороста, сходил в дровяной сарай за спичками – и на садовой дорожке запылал костер. Веселый и довольный, Хемуль подсел к огню и просушил свое платье. А немного погодя его еще раз осенило, и он с нехемульской силой затащил в огонь хвост Панталошки: больше всего на свете Хемуль любил жареную рыбу.

Так вот и вышло, что когда Муми-семейство и его друзья проложили себе путь через веранду и распахнули дверь, их взорам предстал чрезвычайно довольный Хемуль, уже умявший одну седьмую Панталошки.

– Ах, негодник! – сказал Снорк. – Как же мне теперь взвесить мою рыбу?

– Взвесь меня да прибавь, – отвечал Хемуль, для которого этот день стал одним из самых счастливых дней в его жизни.

– А ну-ка, спалим весь этот девственный лес! – сказал Муми-папа.

Они вынесли из дому весь сушняк и сложили большущий костер, какого еще не видал Муми-дол. Панталошку зажарили целиком на углях и съели всего без остатка, вплоть до кончика носа. Но еще долго после этого среди обитателей Муми-дома разгорались споры о том, какой длины он был: от крыльца до дровяного сарая или только до кустов сирени.